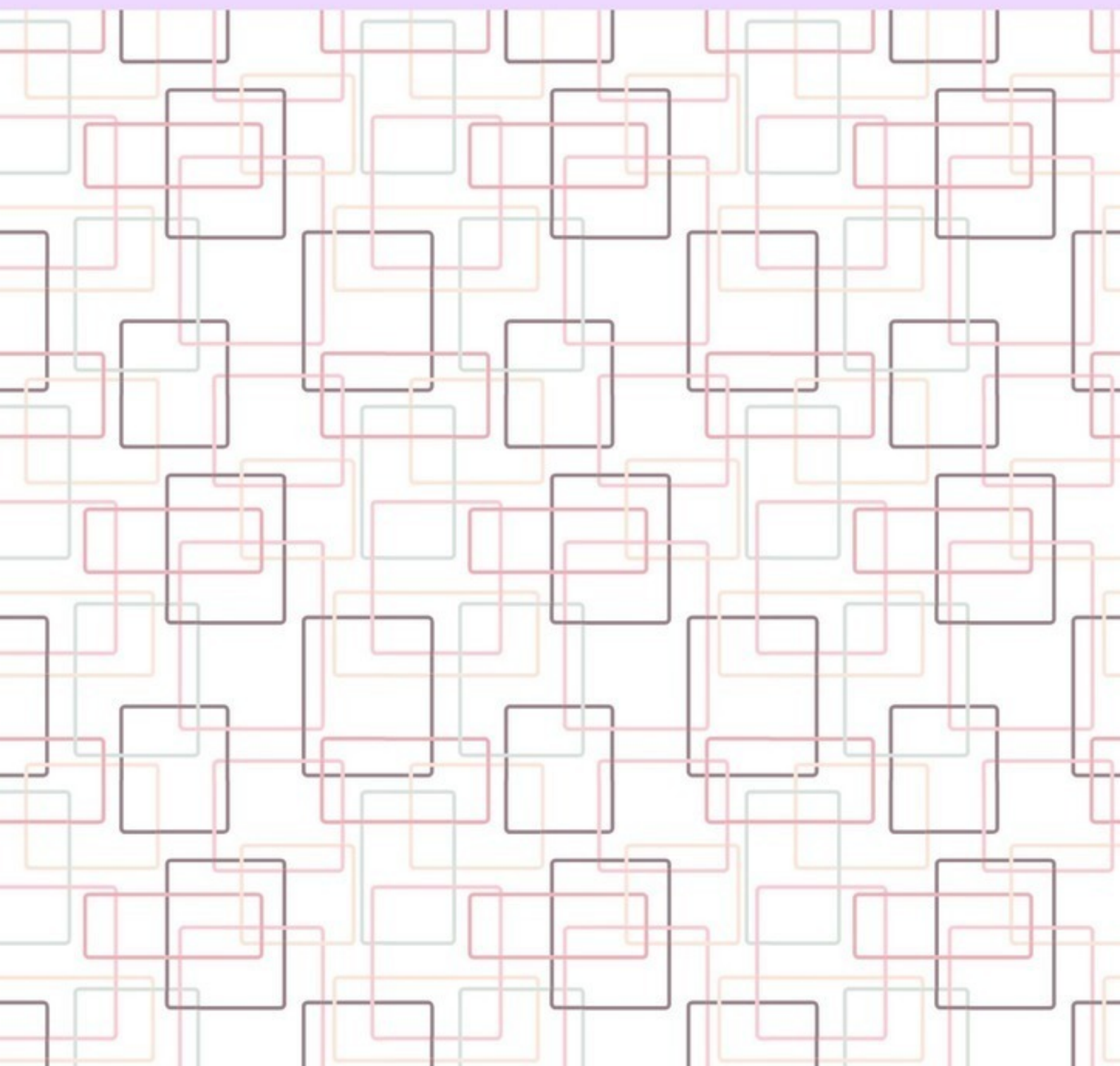

Евгений Журавлев
Моё кино

24 кадра в секунду

Евгений Журавлев

Моё кино. 24 кадра в секунду

«Издательские решения»

Журавлев Е.

Моё кино. 24 кадра в секунду / Е. Журавлев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505639-9

Это стихи о любви и страсти, жизни и смерти. Каждое стихотворение как маленькая киноистория: смешная или грустная, полная трагизма или переполненная счастьем. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-505639-9

© Журавлев Е.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Она выходит на поклоны	7
Л.Т.	8
Кино для двоих	9
Последний сеанс	10
Мы были голодны как волки	11
Каких женщин я видел во сне!	12
Я снимал фотокамерой «Кодак»	13
Эти фото повышенной чёткости	14
Я помню парк и девушку с веслом	15
На экране последняя часть	16
Глаза смотрели в потолок	17
Сверну я на Вильгельма Пика	18
Мне нравится кино немое	19
Всю ночь мы пили, и не в фокусе	20
Ты ждала, что в сердце распогодится	21
Ей слышится то тихий плач	22
Был голоден я как упырь	23
Мы снимем одежду и обувь	24
Была моя юность короткой	25
Кружился мир мой на качелях	26
Любил я по своей охоте	27
Было холодно. Стало тепло	28
Она в любви моей тонула	29
Тебе открою душу настежь	30
Разделась ты, и я разделся	31
Мы смотрим фильм документальный	32
Была написана прекрасно	33
Прошу: не верь календарю	34
Ты сегодня такая красивая	35
Дунул ветер в занавески	36
Воспоминанья вороша	37
Ты вышла в мороз без перчаток	38
Расставив ноги словно циркуль	39
Мир разрушали до основ	40
В любви снимал я только сливки	41
Восхищаюсь графикой заборной	42
Было утром немного прохладно	43
Всё было сделано стремглав	44
Дали имя, фамилию, отчество	45
В ней нет особой красоты	46
Сам не знаешь: родился ты в марте ли,	47
Она со мной играла в прятки	48
Портрет	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Моё кино 24 кадра в секунду

Евгений Журавлев

© Евгений Журавлев, 2019

ISBN 978-5-0050-5639-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Евгений Журавлев

Моё кино

2016

Об авторе

Евгений Журавлев родился в 1958 году в городе Котлас Архангельской области, а умер в 2018 году. Остались рукописи его стихов, посвящённых разным женщинам, любви, жизни и смерти. Его стихи пронзительно эмоциональны, чувственны, музыкальны и очень кинематографичны.

Евгений закончил ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии и многие годы работал организатором кинопроизводства в творческом объединении «Экран». В 90-е годы создал Творческий центр «Манёвр», который занимался производством рекламных роликов и документальных фильмов.

Кино – это ещё одна большая любовь Евгения, как и поэзия, как женщина. Он был настолько увлечён творчеством и любовью, что не заметил, как сердце стало давать сбой. Совсем как в его стихах... Он очень хотел, чтобы его стихи были прочитаны, нашли отклик в сердцах

других. И я думаю, что так и произойдёт.

Его книги «Любовные игры и сказки любви», «Не знаю как её назвать...» уже изданы в этом издательстве.

«Моё кино» и «24 кадра в секунду», стихи, написанные незадолго до смерти, которую он предчувствовал, ждал, но не думал, что она придёт так быстро.

Лариса Тактаева
(вдова)

Она выходит на поклонны

И смотрит в зал, не видя лиц,
Весь мир ей кажется влюблённым
В движение её ресниц.

Она и в кадре, и за кадром,
Звана на каждый фестиваль.
Но замечают те, кто рядом
Морщинок тонкую вуаль.

О ней затихнут разговоры,
Лишь шум останется в ушах;
И перестанут режиссёры
Её на роли приглашать.

Она останется без дела,
Без мужа, без детей, без сна;
И ей тоска рукою белой
Нальёт креплёного вина.

А люди в тёмном кинозале,
Не пряча душ, не пряча лиц,
Благодарят её слезами
Лишь за движение ресниц.

Л.Т.

Мы с тобой студенты ВГИКа,
Оба молоды с тобой;
И постель белеет книгой
По науке половой.

Ставим мы оценки сами,
Строже, чем профессор, я;
Ночью ты сдаёшь экзамен
Лучше, чем при свете дня.

Что нам Вайсфельд или Гребнев!
Тут Феллини даже глуп.
Нам понятней, чем учебник,
Милый шёпот мягких губ.

Мы с тобой сбегает с лекций,
Ты боишься одного:
Как бы не схватить инфекций
От предмета моего.

Вновь усом небритых щётки
Колют кожу щёк твоих;
Наши баллы не в зачётке —
Между наших ног нагих.

Кино для двоих

Горячо возражаешь, упорно,
Но мне тоже знаком алфавит.
Я снимаю не жёсткое порно,
Я снимаю кино о любви.

Ты глядишь горячо и задорно,
Я в зрачках отражаюсь твоих.
Я снимаю не жёсткое порно,
Я снимаю кино для двоих.

Нам не надо воды и попкорна,
Ничего нам не стоит показ.
Я снимаю не жёсткое порно,
А красивую ленту о нас.

Ты на съёмках отныне покорна :
С оператором – тело одно.
Знаешь ты: это вовсе не порно,
Для двоих мировое кино.

Последний сеанс

Как целуются сладко в кино:
На экране и в зрительном зале.
Мы с тобой поцелуем давно
О любви своей всем рассказали.

Дикий Запад... Горячий ковбой
К белокурой красотке подходит...
Я ещё раз целуюсь с тобой
Словно делаю дубль в эпизоде.

Вновь герои целуются всласть,
Любят так, как ещё не любили...
Мы свою демонстрируем страсть
И о белом экране забыли.

Свет зажётся, экран наш погас...
И из зала расходятся люди...
Я целую тебя про запас:
Ведь другого сеанса не будет.

Мы были голодны как волки

И поохотиться не прочь;
И бег за жертвой был недолгий,
И коротка охоты ночь.

Мы были молоды, и в стае,
Мы гнали самок как овец.
И голод наш как снег не таял,
Не мог догнать нас пуль свинец.

Смотрели женщины с любовью
В наши звериные глаза,
А мы захлёбывались кровью
И продолжали их терзать.

Точили мы на самок зубы,
Пускали в ход свои клыки,
Но волчьи силы шли на убыль,
И грызлись мы как старики.

Давно в хвосте мы стаи волчьей.
Как много шкур вокруг седых.
Мы ждём и доедаем молча
За дерзкой стаей молодых.

Пусть бьётся сердце в нас живое,
Нет силы шею псу свернуть.
Всё чаще на луну мы воем,
Моля нам молодость вернуть.

Мы не охотимся. Все ночи
Нам снится: не лысеет шерсть,
Клыки остры, бросок наш точен
И красен снег от крови жертв.

Каких женщин я видел во сне!

Я не знал их ни имени, отчества.
Сновиденья позволили мне,
Как в кино, делать с ними, что хочется.

В моих фильмах красотки одни:
Длинноногие, стройные, смелые...
Только память – мой тайный дневник —
Знает всё, что с телами их делаю.

Снов моих так заманчив сюжет.
Всё, что я пожелаю, исполнится,
Но сеанс покидая, уже
Ни одна на лицо не запомнится.

А когда кадры снов зарябят,
Я пойму: не ушло одиночество.
Я проснусь... Я увижу тебя...
И другого мне сна не захочется.

Я снимал фотокамерой «Кодак»

Наши праздники и торжества,
От которых в течение года
Так безумно болит голова.

Но не смог я найти даже снимка
Наших ссор, разногласий, обид,
От которых в глазах моих дымка
Горьких слёз постоянно стоит.

И когда, через многие годы,
Мы откроем семейный альбом,
Вспомним наши обиды, невзгоды,
Но в альбоме таких не найдём.

Эти фото повышенной чёткости

Могут многое мне рассказать:
О твоём эгоизме и чёрствости,
И зачем ты отводишь глаза.

Эти фото – язык информатора,
И не станет никто отрицать,
Что не нужен наезд трансфокатора,
Чтоб увидеть всю лживость лица.

Но вгляжусь я при помощи лупы ли,
Лучше глаза... до самого дна.
И увижу – неверная, глупая,
Ты в меня и сейчас влюблена.

Я помню парк и девушку с веслом

И леденцы, и аромат акаций.
Теперь сюда древнейшим ремеслом
Приходят проститутки заниматься

Смотрю документальное кино:
Гуляют в парке старики и дети;
А здесь не лимонад, одно вино
И водку пьют в пустых аллеях этих...

Я молод был. Как часто назначал
Я девушкам любовные свиданья.
Без страха мы гуляли по ночам
Среди цветов и их благоуханья.

Часть парка старого идёт теперь на слом.
И пианист здесь не коснётся клавиш,
Немного пьяный, девушку с веслом
Я за меня склоняю выйти замуж.

Жаль, аромат акаций унесло;
Жаль, развалилась русская держава,
И потеряла девушка весло,
Которое в одной руке держала.

На экране последняя часть

Зритель ждёт в темноте хэппи-энда.
Весь сеанс меня мучает страсть
Посильнее, чем вся кинолента.

С первых кадров болван-режиссёр
Обещает всем свадебный ужин.
Я смотрю два часа этот вздор
И к концу мне становится хуже.

Цифры, линии... Пляшет ракорд...
Вспыхнет свет, встану с пятого места.
Я услышу последний аккорд
Мне невидимого оркестра.

Завтра вновь загорится экран.
Фильм придёт словно сон к изголовью.
Я пойму, что вся жизнь лишь игра
Между смертью и нашей любовью.

И опять хэппи-энд и ракорд,
После фильма свет яркий как вспышка.
Мне на выход, кому-то на вход.
В кинобудке не старец- урод,
Новичок, шаловливый мальчишка.

Глаза смотрели в потолок

Как на экран огромный в зале.
Любви ты видела пролог,
Развязку люди рассказали.

Ты не желала знать конца,
Глаза в испуге закрывала.
Но он умел читать в сердцах:
Ты шла к нему под одеяло.

Один обрыв, другой обрыв
В последней части киноплёнки.
На полчаса его забыв,
Случайно вспомнишь о ребёнке.

Тебя пугает детский крик,
Ты хочешь кем-то быть любимой.
Тебе бы час любовных игр,
И снова ты неумоима.

Сама ты хочешь одного,
Чтоб он пришёл сегодня в гости.
Подростка – копию его —
Готова растерзать от злости.

Тебе приснится сладкий сон :
Цветы и поцелуй на людях.
К тебе с вещами входит он.
Проснёшься. Но его не будет.

Сверну я на Вильгельма Пика

У входа трое, из своих.
Стоят на главном входе ВГИКа,
Соображая на троих.

Они мне не нальют стакана,
И я им тоже не налью;
Хотя, пошарив по карманам,
И соберём мы по рублю.

Пройду я через проходную,
Сдам в гардероб своё пальто;
Увижу жизнь совсем иную:
Лиц молодых живой поток.

Тьма в просмотровых кинозалах,
Во мне воспоминаний тьма.
Спешит студенткой, что проспала,
Муза десятая сама.

Благодаря десятой музе
Я встретил девушку свою,
Живём с ней в творческом союзе,
Я до сих пор её люблю.

Студенты нынешние дико,
В испуге отвечают мне.
Не знают ни Вильгельма Пика,
Ни Эйзенштейна, ни Карне.

Я выйду не спеша из ВГИКа,
Всю жизнь с кино мне по пути.
Жаль, что в стране моей великой,
Таланты новых не найти.

У нас как в лучших кинолентах :
Любовь, измена, брак и смерть.
И фильм о нас, простых студентах,
Нам до конца не досмотреть.

Мне нравится кино немое

Любовь с заламыванием рук,
Жестикуляция героя,
В дверях явившийся супруг.

Не слышу шума пьяной драки,
Ни выстрелов, ни криков нет;
И жестов говорящих знаки
Понятны более ста лет.

Но я уже на пятой части
От этой немоты оглох.
Хочу услышать голос страсти,
Неповторимый женский вздох.

В кино немом и чёрно-белом
Понятны чувства и просты.
И я люблюсь женским телом
Стодвадцатилетней красоты.

Её лицо белее снега,
Черны безумные глаза.
Она страдает больше века :
«Люблю» пытается сказать.

Всю ночь мы пили, и не в фокусе

Теперь весь мир передо мной.
Сегодня в непотребном образе
Придётся ехать мне домой.

Коньяк закусывали пиццей,
А утром хлопнули пивка,
И заберут меня в полицию
С таким лицом наверняка.

И голос мне шептал таинственный.
Чтоб торопился я домой.
Я не пошёл к моей единственной,
В гостях остался у другой.

Вся жизнь пошла не по сценарию.
Смотрел я через объектив :
Попал совсем не в ту кампанию
И хорошо, что ещё жив.

Одни лишь пьянки вместо отдыха.
В кругу то шлюх, а то актрис.
Мне только б две коробки «Кодака»
И я бы снял кино на «бис».

Я выпью, всё вокруг запачкаю...
И камнем опущусь на дно.
И будет белою горячкою
Озвучено моё кино.

Ты ждала, что в сердце распогодится

Он придёт, хотя бы год спустя.
И ему ты словно богородица
Поднесёшь красивое дитя.

Он обнимет первенца, расплачется,
Поцелует сына и тебя.
В ЗАГС пойдёт с тобой, не заартачится,
И ему ты наплодишь ребят.

Ждёшь ты вечерами в тёмной комнате
Робкого топтанья у дверей..
Тихо плачешь, тонешь в тёмном омуте
Чёрных мыслей и земных страстей.

Матерью считают одиночкой
Все вокруг и даже ты сама;
И уже беременна ты дочкою,
От того, кто свёл тебя с ума.

Взгляд твой ищет, ищет меж иконами
Ту, что родила на казнь Христа.
Долгими молитвами, поклонами,
Просишь пожалеть, что нечиста.

Ты глядишь в глаза её, послушная,
И не знаешь про её дела :
Богоматерь, женщина замужняя,
Не от мужа сына родила.

Ей слышится то тихий плач

То смех, то неземные звуки.
Он в чреве прячется. Палач
Найдёт, казнит, умоет руки.

Польётся кровь по простыне,
На веки навернутся слёзы.
И ей, лежащей на спине,
Вдруг вспомнится о красных розах.

Она уйдёт спустя лишь час;
И не заметит, что забыла
Не только женской плоти часть,
А часть души, что так любила.

И вечером на смех мужской,
Звучащий ласково и твёрдо,
Приёмный вспомнится покой
И краска роз после аборта.

Весна придёт: цветов букет
Подарит ей другой с любовью;
И дрогнут у неё в руке,
Цветы, окрашенные кровью.

Был голоден я как упырь

И чрезвычайно кровожаден.
Я надувался как пузырь
От свежей женской крови за день.

А ты была одной из жертв,
Я жил твоей слезой и кровью,
И, сделав неприличный жест,
Я звал насилие любовью.

Но пулею из серебра
Я был твоей смертельно ранен;
И даже наш поспешный брак
Не вылечил больные ткани.

Я целовал тебя взасос,
Но сам я был твоей мишенью.
С лица отбросив прядь волос,
Насквозь прокусывала шею.

Убила жизнь твоя любовь :
Я сделался больной и тощий,
И как вино пила ты кровь
Вместе с невесткою и тещей.

Наш брак был пострашней кино,
И в каждом кадре только ужас,
И было зрителей полно,
Собравшихся на жуткий ужин.

Как был доволен режиссёр
Минутой своего успеха.
Он кровь с губы ещё не стёр,
Актрису укусив из смеха.

Мы снимем одежду и обувь

Лишимся, раздевшись, тепла.
Посмотрим мы с ужасом оба
На голые наши тела.

Увидим одни недостатки
На теле, на коже, везде.
Как будто играли мы в прятки
И встретились только что здесь.

С тобой занимались мы сексом
Без слов, поцелуев и ласк.
Боролись с морщинами, с весом,
Но счастье бежало от нас.

Мы дружно возьмёмся за дело
И примем и ванну, и душ.
Легко грязь смывается с тела
И с болью смывается с душ.

Бельём и одеждою модной
Уродство скрываем как грех.
Любить не умеем свободно,
Раздеть свою душу при всех.

Была моя юность короткой

И мной измерялась в часах;
И я утешался не водкой,
А тем, что я прятал в трусах.

Всем девушкам нравилась живость,
Мужское моё естество.
А то, что в трусах шевелилось,
Им нравилось больше всего.

Красивые девушки были
Со мною в любые часы.
Любили меня – не любили,
Но лезли за счастьем в трусы.

Всем девушкам нравился поиск
Невиданных прежде чудес.
Пытались пониже чем пояс,
Любовный искать интерес.

Они всё в любви испытали,
Но возраст нельзя побороть.
И вместо мужских гениталий
Встречалась им вялая плоть.

Пусть ищут они по старинке,
Забыв, что и сами стары.
Пропали, упав из ширинки,
Мои золотые шары.

Кружился мир мой на качелях

Всего минуту погода.
Мне забралась любовь под череп,
На белый свет не выходя.

Смыкал я в мертвой хватке челюсть,
Но останавливал твой взгляд.
Я женщинам служил как челядь,
Был как любовник нарасхват.

Я был помадою заляпан,
От клятв любовных безголос;
И рот мне затыкали кляпом —
Густыми прядями волос.

Я был настойчивый и ловкий,
Я добивался женских тел,
Но вили из меня верёвки
Те, кого я давно хотел.

Я шёл к любви как к месту казни,
В помаде женской как в крови.
Болезни я не знал заражей
И смертоноснее любви.

Не помогали мне прививки,
И не спасал презерватив,
Но я снимал густые сливки,
Соперников опередив.

Я брал любовь у женщин через
Мои страдания и боль.
Я был не раб, не просто челядь,
А их возлюбленный король.

Любил я по своей охоте

Никто со мною не скучал;
И женщин тех, кто были против,
Я в молодости не встречал.

Порой я чувствовал усталость,
Вздremнуть часок я был не прочь.
Сосали самки, что осталось
Во мне, будя меня всю ночь.

Мне нравились ночные тени,
Игрй их был я восхищён :
Они не требовали денег
И не просили ласк ещё.

Но холостяцкою постелью
Гордился я, похоже, зря,
Жизнь прогоняла тень за тенью.
Совсем один остался я.

По комнате плясали тени :
Свет фонарей и свет авто.
Купить любовь не мог без денег.
Бесплатно не давал никто.

С букетом комнатных растений
Я жду всех женщин и тебя.
Но в гости явятся лишь тени,
Не обнимая, не любя.

Было холодно. Стало тепло

Было сыро. Теперь уже суше.
Словно с крыши из глаз натекло
Под окном твоим тёмные лужи.

Но закончится ливневый дождь.
Кто-то снова тебя пожалеет.
Ты, умытая ливнем поймёшь,
Без любви жить ещё тяжелее.

Она в любви моей тонула

Продлить страдания моля,
В глаза мне только заглянула,
Я понял, что она – моя.

Уверен был: она утопла
В моей любви как в море грёз,
Но кто-то спас её и тёплой,
Живою на руках унёс.

Я жду её. Мне очень жалко.
Она в другого влюблена;
И плещется в реке русалка,
Зовёт, но это – не она.

xxx

Тебе открою душу настежь

Как тёплою весной окно.
Смотри, копейки не потратишь,
А интересней, чем в кино.

То я играю роль убийцы,
То неудачника, то знать.
Искусно я меняю лица.
Так, что меня нельзя узнать.

Готовлю замысел кровавый,
Предательство, насилие, ложь.
Но ты войдёшь. Из пальцев правой
Руки я уроню мой нож.

Разделась ты, и я разделся

В постели встретили весну.
Я голосом твоим согрелся,
Под шёпот ласковый уснул.

А год спустя страсть стала постной,
Убил любовь семейный быт.
Казалось мне, влюбиться просто,
А ещё проще разлюбить.

Ещё полгода пролетело,
Мы стали холодны как смерть.
Плоть, что от шёпота горела,
Теперь не мог я в зной согреть.

Привыкли мы с тобой метаться,
Губя желания свои.
Как много было имитаций,
Как мало жизни и любви.

Мы смотрим фильм документальный

Он без начала и конца :
Рождение, жизнь, исход летальный
И холм с фамилией отца.

Фильм временами чёрно-белый,
А временами в цвете весь;
Фильм снят рукою неумелой,
Но каждому понятен здесь.

В кинотеатре свет погашен,
И у соседа черт лица
Не разглядеть. Он очень страшен :
Фильм без начала и конца.

Но ты глядишь его с восторгом,
И по щеке ползёт слеза.
Экран прямоугольным оком
Глядит нам зрителям в глаза.

Была написана прекрасно

Правдиво пьеса до конца.
И мы с тобой играли страстно
В любовь от первого лица.

Зал скуп был на аплодисменты,
И не играли мы на бис.
Хотя прекрасные моменты
Любви нам явно удались.

Старались, лезли мы из кожи,
Напрасны были все труды.
Слова любви забыли ложи,
Партера тёмные ряды.

А публика смотреть устала
Игру без крови и измен;
И сняли нас с репертуара,
Других поставили взамен.

И вот теперь уже другие
Бросают реплики, и зал
Глядит на их тела нагие,
В их равнодушные глаза.

Срывая голоса от крика,
Играют публике на бис
Не пьесы о любви великой,
А омерзительный стриптиз.

Прошу: не верь календарю

И не ругай холодной осени.
И в ноябре тебе «люблю»
Шептали те, кто в мае бросили.

Ты вспомни: я к тебе пришёл,
Мы встретились с тобою в августе.
Нам было очень хорошо,
Не помнили себя от радости.

Часы нам были не нужны
Ни кварцевые, ни песочные.
Без мужа – ты, я – без жены.
Встречались мы в часы полночные.

Прошу не верь календарю.
Всё это – глупости и шалости;
И холод в сердце январю
Ты не приписывай, пожалуйста.

Ты сегодня такая красивая

В белом платье, в тумане фаты;
И надежды улыбка счастливая
Прибавляет тебе красоты.

Может, вздрогнешь ты ночью от ужаса
Рядом с тем, кого выбрала ты?
Может, вспомнишь ты тех, до замужества,
Никогда не даривших цветы?

Простыня как судьба твоя стелется
В эту ночь: ни морщин, ни пятна.
И тебе в твоё счастье не верится,
Как и в то, что ты будешь одна.

Ты в улыбке задумчивой, утренней
Скроешь всё от невежливых глаз.
И судьба твоя станет припудренной
И торжественно-лживой как ЗАГС.

Дунул ветер в занавески

И по комнате кружа,
В люстре он качнул подвески...
До сих пор они дрожат...

Со стола он скинул ворох
Мной написанных стихов.
Вымел головы, в которых
Много сора и грехов.

Дунул он, погасли свечи..
Стало в комнате темно..
Подарил нам чудный вечер,
Залетев шутя в окно.

Остудил в твоей тарелке
Перегретый мною суп.
Завершил свои проделки,
Чуть коснувшись влажных губ.

На тебе не тронул волос,
Освежил у нас постель;
И завыл от страсти, в голос,
Попадая в дверную щель.

Воспоминанья вороша

Как листья, шли вдвоём бульваром.
Была ты также хороша.
Выходит, я любил недаром.

Дымила мокрая листва,
И листья нехотя горели.
Забыли мы все те слова,
Которые сказать хотели.

Шёл от тебя я в двух шагах,
Стараясь обувь не испачкать,
Вертелась у меня в ногах
Ты как домашняя собачка.

И рвали мы свои мечты
Как паутинки между веток.
Забыли оба, я и ты,
Поцеловаться напоследок.

Шёл бесконечный долгий дождь,
И капли лбами бились оземь;
И била наши губы дрожь
В холодную, сырую осень.

Стояли липы без одежд,
Наряд уже немодный сбросив,
Мы шли и не было надежд
У нас на солнечную осень.

Ты вышла в мороз без перчаток

Увидеть меня торопясь,
Дышала ты бурно и часто,
И грела тебя твоя страсть.

Тепло тебе было сначала,
Но вот постепенно мороз,
Чтоб сердце потише стучало,
Под лёгкую шубку заполз.

Сжимал я замёрзшие руки,
Стараясь в глаза не глядеть.
И пробуя больше от скуки,
Дыханием руки согреть.

Озноб ещё бил твоё тело,
Но стали теплее персты.
Дыхание руки согрело,
Но я к тебе сердцем остыл.

Согрел я холодные пальцы,
Но тронул мне душу мороз.
Держались мы близко как в танце,
А были давно уже врозь.

Расставив ноги словно циркуль

Она работала хлыстом,
Как много женщин было в цирке,
Любовным мучаясь постом.

Циркачка верила дрессуре,
И на до мной смеялся зал.
Как лев на собственной я шкуре
Все прелести кнута узнал.

Любовь хлыстом загнала в клетку.
Увидев взгляд из-под ресниц,
Я словно лев порвал кокетку
От головы до ягодиц.

Кровь алая лилась в опилки,
В грязь на арене цирковой.
Как много женщин было в цирке,
Желавших участи такой.

Я любовался свежей раной
И крови нализался вдрызг.
Но был застрелен я охраной
Под женский сладострастный визг.

Была любовь у нас большою,
И кровью обрывалась связь.
И это цирковое шоу
Смотрела публика, смеясь.

Мир разрушали до основ

Топтали землю сапогами.
Травинкой тонкою Любовь
Из праха поднималась вновь
И зеленела под ногами.

Дотла, казалось, мир сожжён,
Нога тонула в горах пепла.
От горьких слёз детей и жён
Мир слепотой был поражён.
Одна Любовь от слёз не слеpla.

Был неспособен даже бог
Вернуть земле красы и славы;
Но шла Любовь, и сквозь песок,
Сквозь снег из-под разутых ног
Как чудо пробивались травы.

В любви снимал я только сливки

И ложью головы кружил.
Остались мне одни обрывки
От той любви, которой жил.

Всё было словно в час полночный :
Вздых, стон, короткий интервал.
Имён у них не помня точно,
Я всех возлюбленными звал.

Я черт лица у них не помнил,
Хотя любил их без ума;
И становилась всё огромней
Вокруг меня слепая тьма.

И женщины во тьме кромешной
Ночами называли дни.
Ища мужской любви поспешно,
Меня не помнили они.

Восхищаюсь графикой заборной

Просто всё и ясно до штриха.
Сколько в ней и юности задорной,
И желаний плотских без греха.

Эти безобидные рисунки
С возрастом мне нравятся вдвойне.
Школьным мелом, вынутым из сумки,
Женщин ты рисуешь на стене.

Будто в школе, перед классом стоя,
Ты сдаёшь экзамены свои,
Забывая самое простое,
Помня только правила любви.

Ты себя и девушку рисуя,
В позе сзади, ей не объяснишь,
Почему не карандаш, а кончик хуя,
Ты рукой невольно беребишь.

С ханжеством борясь и протестуя,
Объясняя эти буквы три,
Живопись наскальную, простую
Буквами спешишь ты повторить.

Ты, совсем неопытный художник,
Смутным вожделением томим,
Пробуешь любви рисунок сложный,
Объяснить себе и всем другим.

Было утром немного прохладно

Разум где-то в траве потеряв,
Я назвал тебя вслух ненаглядной,
За собой потянул за рукав.

Ни любви я в глазах твоих светлых,
Ни надежды на счастье не ждал.
Дождь недавний, закапавший с веток,
Нас от близости не удержал.

Вновь по парку с другой, в ту же осень,
Я гуляю... Деревья в дыму.
Даже если она не попросит,
Я её просто силой возьму.

На тела наши падают капли,
Наслаждения миг торопя.
На ветру мои страсти озябли :
Не хочу ни её, ни тебя.

Чтоб не слышать как женщина ропщет
И боясь сказать правду в ответ,
Я бегу, и листва ярко-жёлтая в роще
Заметает свидания след.

Всё было сделано стремглав

Без лишних слов и без прелюдий,
И быстро от любви устав,
Я понял: новых встреч не будет.

И верно: не было ни встреч,
Ни электронной переписки,
И стало некого беречь,
И даже не с кем выпить виски.

Не думал много лет о ней,
Она меня забыла напрочь.
Но вышло, что любовь сильнее,
Чем смерть. Пусть и пришла лишь на ночь.

Она пришла всего на час,
Мы оба вспомнили что было.
Любовь соединила нас,
А смерть нас посетить забыла.

Дали имя, фамилию, отчество

И бумагу, что я человек.
Как игрушку одно одиночество
Мне судьба подарила навек.

Наша встреча была как пророчество,
Думал я: мы с тобой навсегда.
Просто спряталось одиночество,
Отвлеклось на минуту тогда.

Если вдруг мне другую захочется,
И я стану её целовать.
Не любовница, а одиночество
Ляжет рядом со мною в кровать.

Не даёт мне уснуть и ворочаться
Заставляет ночами оно,
Бесприютное одиночество,
В мир единственное окно.

И уже не с детьми я играю, а с внуками
И заигрываю с тобой.
Одиночество тихо аукает,
И стоит за моею спиной.

В ней нет особой красоты

И ласки, как у всех, похожи,
Но в гости к ней приходишь ты
И от неё мороз по коже.

Она такая не одна,
Вокруг такие же милашки,
Но открывает дверь она,
И по спине бегут мурашки.

Она в тебя не влюблена,
Однообразны ваши ночи,
Присядет на постель она :
Нет силы языком ворочать.

Она уже не молода,
И не умна она особо,
Но взглянет на тебя она :
Не сможешь ты сдержать озноба.

Ты помнишь каждый свой недуг,
Ты помнишь все его симптомы,
Но вновь захватывает дух
От женщины давно знакомой.

Сам не знаешь: родился ты в марте ли,

Или в мае. Обычный пацан
Ничего ты не знаешь о матери,
Никогда не слышал про отца.

Неизвестного происхождения.
Знаешь, что за тобой не придут.
Зато праздновать свой день рождения
Можешь триста раз в каждом году.

У тебя есть друзья и приятели,
А у них, всех до одного,
Есть сестрёнки, отцы или матери.
У тебя нет совсем никого.

То, что в детстве казалось всем драмой,
Стало пьесой с хорошим концом..
Не придётся звать пьяницу мамой,
А прохвоста любимым отцом.

Она со мной играла в прятки

То слышал смех её, то зов,
То шла вдали, то мне на пятки
Пыталась наступить любовь.

Её искал почти на ощупь.
Казалось, руку протяни,
Схвати её и будет проще
Узнать, кто прячется в тени.

Напрасны были все старанья
Её поймать. Прошли года.
Я только прикоснулся к тайне,
Но тайн её не разгадал.

Мы до сих пор играем в прятки.
Она – капризна, я – упрям.
За ней иду я без оглядки,
Не видя пропастей и ям.

Иду на голос и на запах,
Иду туда, где слышу смех.
Не зная где восток, где запад,
И не надеясь на успех.

Портрет

Она дышала где-то рядом.
Он запах чувствовал её.
И пропиталось словно ядом
Насквозь постельное бельё.

Он слышал вздох её глубокий,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.